

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

ГІСТОРЫЯ HISTORY

УДК 2-9
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-200-212>

Поступила в редакцию 08.04.2024
Received 08.04.2024

В. В. Куличенко

Минская духовная академия, Минск, Беларусь

ИМУЩЕСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА ТЕРРИТОРИИ БССР (1917–1939 гг.)

Аннотация. Рассматривается имущественное положение Православной церкви на территории БССР в 1917–1939 гг. Анализируются различные законопроекты, принятые советским правительством и имеющие отношение к национализации церковных ценностей. Указываются первые законодательные акты, принятые в отношении церковного имущества. Эти законы направлялись на национализацию церковных зданий, земли и иных ценностей с целью их использования в социалистическом строительстве. Отмечаются последующие изменения в законодательстве, которые касались церковного имущества. Рассматриваются такие аспекты, как отмена религиозного наследования, ликвидация церковных фондов, конфискация имущества монастырей и приходов, а также реализация этого имущества посредством продажи, аренды или передачи государству. В заключение автор делает выводы о влиянии законодательства советской власти на церковное имущество и предлагает ряд рекомендаций для дальнейшего исследования данной темы. Подчеркиваются сложность и controверзность данной темы, отмечается, что оценка действий советской власти в отношении церковного имущества дается с точки зрения идеологической позиции автора.

Ключевые слова: советская власть, церковное имущество, национализация, законопроекты, революционный период, социалистическое строительство, ликвидация, конфискация, продажа, аренда, Русская Православная Церковь

Для цитирования: Куличенко, В. В. Имущественное положение Православной церкви на территории БССР (1917–1939 гг.) / В. В. Куличенко // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2024. – Т. 69, № 3. – С. 200–212. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-200-212>

Viktor V. Kulichenko

Minsk Theological Academy, Minsk, Belarus

PROPERTY STATUS OF THE ORTHODOX CHURCH ON THE TERRITORY OF THE BSSR (1917–1939)

Abstract. This article examines Soviet legislation regarding church property and its implementation during Soviet history. The author analyses in detail the various bills passed by the Soviet government that had to do with the nationalisation of church property. The article begins by examining the first legislative acts passed in relation to church property. These laws were aimed at nationalising church buildings, land and other valuables in order to use them in socialist construction. The author then analyses the subsequent changes in legislation that concerned church property. He examines such aspects as the abolition of religious inheritance, the liquidation of church funds, the confiscation of monastery and parish property, and the realisation of this property through sale, lease or transfer to the state. In conclusion, the author draws conclusions about the impact of Soviet legislation on church property and offers a number of recommendations for further research on this topic. He emphasises the complexity and contradictory nature of the topic, noting that the assessment of the actions of the Soviet authorities with regard to church property depends on the author's point of view and ideological position.

Keywords: Soviet power, church property, nationalisation, bills, revolutionary period, socialist construction, liquidation, confiscation, sale, lease, Russian Orthodox Church

For citation: Kulichenko V. V. Property status of the Orthodox Church on the territory of the BSSR (1917–1939). *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2024, vol. 69, no. 3, pp. 200–212 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-3-200-212>

Введение. Один из важнейших способов ограничения деятельности РПЦ, по мнению большевиков, заключался в лишении ее средств к существованию. Это касалось как Церкви в целом с системой административно-управленческих структур, так и экономики епархии, прихода, монастыря. Максимальному сокращению должны были подвергнуться доходы священнослужителей и иных лиц, обеспечивающих деятельность церковного механизма. До революции самостоятельными субъектами имущественных отношений выступали архиерейские дома, церкви, монастыри и иные благотворительные, попечительские, религиозные общества. В их собственности могли находиться свечные заводы, а также производство церковной утвари. Данные субъекты располагали денежными капиталами как неотъемлемой составляющей хозяйственной деятельности. Царское правительство, возлагая на РПЦ широкий круг общественных обязанностей, выделяло на ее содержание менее 20 % от предполагаемых сумм расходов [1, с. 467]. Остальные средства необходимо было заработать посредством религиозной деятельности, а также с помощью производства товаров и услуг.

Основная часть. Первоначально рассматривался вопрос о лишении Церкви земель. До революции из 2 300 000 десятин земли 65 % составляли мелкие наделы сельских церковных приходов и только 35 % принадлежали архиерейским домам и монастырям [1, с. 465]. Именно последние и могли использоваться с целью извлечения прибыли. Декретом «О земле» от 27 октября 1917 г. все земли становились государственной собственностью со всем живым и мертвым инвентарем и строениями: «Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные со всеми их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями, переходят в распоряжение волостных земельных Комитетов и уездных Советов Крестьянских Депутатов впредь до Учредительного Собрания» [2, с. 2]. Источник дохода от этих земель полностью ликвидировался. Духовенство на общем основании имело право пользования землей как частное лицо. Монастыри по мере их ликвидации еще какое-то время в виде трудовых коммун пользовались частью своих земель.

30 октября 1917 г., согласно Декрету «О передаче жилищ в ведение городов», все гостиницы, доходные дома, подворья, приюты, больницы передавались городским Советам [3, с. 142–149; 4, с. 124]. 20 января 1918 г. Декретом «О прекращении выдачи государственных средств на содержание церквей, часовен, священнослужителей, законоучителей и на совершение церковных обрядов» была прекращена выдача денег на содержание бывшего духовного ведомства, а с 1 марта 1918 г. и выплата жалованья духовенству [5, с. 20].

20 января 1918 г. был подписан, а 23 января 1918 г. опубликован Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В 12-м пункте этого документа указывалось: «Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью. Прав юридического лица они не имеют» [6, с. 30]. Это означало запрет на ведение любой хозяйственной деятельности. В то же время пункт 13 полностью лишал религиозные организации всей собственности: «Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием» [6, с. 30]. По мере возможности имущество начало изыматься. В Беларуси это коснулось только епархиальных владений. На территориях с господствующей советской властью сразу же было отобрано более 6 000 строений [7, с. 35].

7 марта 1918 г., согласно постановлению Высшего Совета народного хозяйства РСФСР, государство ввело монополию на производство свечей. Были национализированы все церковные свечные фабрики, приносящие определенный доход для содержания церковных структур [8, с. 437]. Данные меры привели к ликвидации большинства источников финансирования РПЦ. В целом у РПЦ было изъято 904 043 га монастырской земли с инвентарем и скотом, 84 завода, 704 гостиницы, 1112 доходных домов, 311 пастухов, 436 молочных ферм и 602 скотных двора [9, с. 28]. Капиталы, ранее принадлежащие религиозным организациям, уже были изъяты. Дальнейшее ограничение доходов православных религиозных организаций и духовенства могло касаться непосредственно религиозных действий.

20 декабря 1917 г. СНК был издан Декрет «О гражданском браке, детях и о ведении книг записей актов состояния», который наделял светский брак, зарегистрированный в ЗАГС, юриди-

ческой силой [10, с. 161–163]. Таким образом, церковный брак становился необязательным действием при создании семьи, что позволяло некоторой части православных верующих его игнорировать. Следует отметить, что на протяжении всего существования советской власти антирелигиозники стремились максимально «оградить» советскую молодежь от данного «пережитка». Здесь присутствовали и стремление побороть религиозность брачующихся, ослабить их подчинение родителям, и попытка уменьшить доходы клира от выполнения соответствующего обряда. Это касалось и иных таинств, особенно крещения. Несмотря на все усилия силовых структур, партийных и комсомольских активистов, а также угрозы местного руководства, начиная с конца 1939 г. большинство детей, в том числе партийцев, получали возможность приобщения к полноте православия [11, с. 83–84].

Важной задачей в тот период являлась ликвидация мест поклонения святыням. В первую очередь это коснулось мощей святых праведников. Циркуляр Отдела управления НКВД от 23 апреля 1919 г. «О вскрытии мощей» положил начало противоречащей советскому законодательству кампании. Ее главной задачей было подорвать доверие верующих РПЦ посредством «разоблачения» «нетленных останков». Увидев в раке не мумифицированное тело, а кости или иные части тела, верующий должен был, по мнению большевистских пропагандистов, отказаться от религии и, соответственно, не жертвовать на нужды обители. Для надежности мощи изымались и направлялись в антирелигиозные музеи.

Главным и основным ударом по Церкви должна была стать кампания по изъятию церковных ценностей. Летом 1921 г. в 34 губерниях РСФСР вследствие неурожая голодная смерть грозила миллионам граждан. Государство не располагало средствами для организации помощи. Между тем ситуация становилась катастрофической. Власти вынуждены были подключить к решению проблемы общественность и так называемую ими откровенную контрреволюционную структуру РПЦ. После переговоров с М. Горьким патриарх Тихон обращается к правительствам и общественным организациям зарубежья: «Помогите стране, помогавшей всегда другим! Помогите стране, кормившей многих и нынче умирающей от голода! На помощь немедленно! На широкую, щедрую, нераздельную помощь!» [12, с. 160]. Ранее была организована работа внутри страны. Возглавляемый патриархом Всероссийский комитет помощи голодающим активнейшим образом включился в дело обеспечения продовольствием и материальными средствами. Организационный и интеллектуальный потенциал позволил довольно быстро добиться существенных результатов. Это не могло не насторожить власти.

Согласно решению ВЦИК, общественный Всероссийский комитет помощи голодающим (Помгол) был распущен в августе 1921 г. Собранные средства конфисковывались властями. Допустить рост авторитета РПЦ и ее иерархов антирелигиозники не могли, несмотря на неизбежность смерти голодающих. Обращение Церкви от лица патриарха и епископата находило поддержку у верующих, готовых создавать комитеты помощи [13, л. 69]. Однако политическим руководством данные структуры классифицировались как «гнезда контрреволюции» [14, л. 53]. В спешном порядке осенью 1921 г. разворачивается кампания по привлечению средств граждан. С помощью пропаганды на всех уровнях показывались и демонстрировались населению душераздирающие материалы о страданиях голодающих. Во всех трудовых коллективах принимались соответствующие решения об оказании помощи [15, с. 78]. Населению разъяснялось, что тысячи людей гибнут, в то время как в стране имеется стратегический резерв в виде «несметных богатств» церковников [16, с. 78].

С одной стороны, благодаря пропаганде планировалось получить дивиденды через очернение духовенства и церковных структур. С другой стороны, предполагалось нанести мощнейший экономический удар по основному базовому звену РПЦ – приходам. Христианское сердце не могло не отозваться на следующие слова: «Голод страшный и ужасный: ежедневно умирают от голода тысячи людей. С каждым днем число смертных случаев увеличивается. Пищевые суррогаты все съедены. Голодающие питаются падалью чистых и нечистых животных и даже людскими трупами. Зарегистрировано несколько случаев людоедства. Родители закалывали и ели собственных детей» [17, л. 69].

Главная идеологическая задача заключалась в противопоставлении сострадающего верующего и «жадного попа». Сам человек должен был максимально отозваться на подобные мольбы и заставить клир сдать все имеющиеся ценности. Большевикам нужны были средства для государственного строительства и удержания власти, в том числе лишённые всякого имущества богослужебные помещения. При этом с помощью пропаганды изъятие церковных ценностей трактовалось как «борьба с религией и церковными организациями» [16, с. 78].

23 февраля 1922 г. Секретарь ЦК РКП(б) В. Молотов издал следующее распоряжение: «Необходимо расширить начавшееся движение беспартийных рабочих и крестьян в пользу использования золота и серебра, лежащих в храмах, для голодающих до размеров общенародного движения, добившись того, чтобы не было ни одного завода, ни одной фабрики, не принявших решения по этому вопросу» [6, с. 73]. Идеологами посредством митингов, собраний и публикаций в прессе было сформировано мнение, что церковные ценности в данный момент лучше всего употребить для оказания помощи голодающим [18, л. 25]. В этом случае важно было навязать обществу мнение о недостаточности участия Церкви в преодолении данного народного бедствия. Все предыдущие усилия священнослужителей и прихожан предавались забвению, на передний план с помощью пропаганды по указанию высшего партийного руководства выдвигалась идея о конфискации «несметных богатств» РПЦ и иных культов.

В феврале 1922 г. стало очевидно следующее: во-первых, миллионам людей надо помочь, и помочь срочно, немедленно и каждому, во-вторых, пройдет волна очередной экспроприации, что было характерно для данного времени. Периодический принудительный сбор необходимых государству ресурсов проходил по праву сильного, власть имущего. В приходах и монастырях имелся определенный ресурс, который можно было отдать на благое дело. Еще в декабре 1921 г. ЦК Помгола сообщал патриарху о возможности направления церковных ценностей на помощь голодающим. Разрабатывались механизмы сбора и направления средств в Помгол. Первоначально государство занялось классификацией и сбором церковных ценностей в монастырях и закрываемых храмах. Процесс этот происходил хаотично. Имели место расхищение, передача в другие храмы, продажа органами местной власти. Согласно Декрету «О ценностях, находящихся в церквях и монастырях» от 27 декабря 1921 г. [19, с. 381] и Постановлению от 2 января 1922 г., ВЦИК фактически запретил любое передвижение имущества без разрешения Главмузея и его подразделений. В дальнейшем предстояло определить механизмы реализации или передачи новым собственникам историко-культурных ценностей, а также условия хранения в Гохране всех драгоценных предметов.

6 (19) февраля 1922 г. патриарх Тихон издает воззвание «Об усилении помощи голодающим (с разрешением сдачи в Помгол церковных ценностей, не имеющих богослужебного употребления)»: «Бедствие голода разрослось до крайней степени. Протяните же руки свои на помощь голодающим братьям и сестрам и не жалейте для них ничего, деля с ними и кусок хлеба, и одежду по заветам Христа. Учитывая тяжесть жизни для каждой отдельной христианской семьи, вследствие истощения средств их, мы допускаем возможность духовенству и приходским советам с согласия общин верующих, на попечении которых находится храмовое имущество, использовать находящиеся во многих храмах драгоценные вещи, не имеющие богослужебного употребления (подвески в виде колец, цепей, браслеты, ожерелья и другие предметы, жертвуемые для украшения святых икон, золотой и серебряный лом), на помощь голодающим» [6, с. 190]. Иной позиции православный христианин и тем более первосвященитель РПЦ занять не мог, однако это не входило в планы большевиков. Как и раньше, их задача заключалась в нарушении нормального порядка церковноприходской жизни. Изымать следовало в первую очередь предметы, необходимые для организации богослужений. Инициатива патриарха Тихона наносила удар по информационно-пропагандистскому сопровождению кампании, нацеленной на грабеж Церкви. Логичность и жертвенность воззвания от 19 февраля 1922 г., безусловно, еще более усиливали авторитет и патриарха, и всего клира. Если из приходов отдадут все драгоценные небогослужебные предметы, то возможность изъятия «священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается Ею как святотатство» в глазах

верующих будет совершенно не оправдана [12, с. 200–203, 204]. Подобные действия будут классифицироваться верующими как антицерковная кампания, что полностью противоречило официальным идеологическим установкам. Поэтому в спешном порядке ВЦИК издает 23 февраля 1922 г. Декрет «Об изъятии церковных ценностей для реализации на помощь голодающим»: «Ввиду неотложной необходимости спешно мобилизовать все средства страны, могущие послужить средством спасения погибающего от голода населения Поволжья» [13, л. 4]. При этом документ допускал возможность сохранения предметов, «изъятие которых не может существенно затронуть интересы самого культа» [13, л. 4].

1 марта 1922 г. в БССР принимается аналогичное решение: «В целях усиления средств для борьбы с голодом Президиум ЦИК Белоруссии постановляет: присоединиться к постановлению Президиума ВЦИК об изъятии из храмов всех культов драгоценных вещей, не имеющих священного значения» [13, л. 88]. Белорусскую комиссию помощи голодающим возглавил председатель ЦИК А. Червяков. Основная нагрузка должна была лечь на финансовые органы, поэтому заместителем белорусского Помгола стал заместитель Наркомата финансов. 2 марта 1922 г. была опубликована инструкция «О порядке изъятия церковных ценностей, находящихся в пользовании групп верующих» [13, л. 5]. Главная задача заключалась в обеспечении наличия церковных ценностей, согласно ранее составленным описям имущества, при передаче храмов в аренду группам верующих. Властям этот процесс необходимо было максимально быстро провести, поскольку далеко не все богослужебные помещения были соответствующим образом оформлены. В них имелись дореволюционные описи имущества. Следует отметить, что эвакуация, боевые действия, реквизиции властей, в том числе незаконные, значительно уменьшили количество реально имеющихся драгоценных предметов. Некоторые инвентарные книги могли исчезнуть как преднамеренно, так и по недосмотру. Установленный недельный срок должен был обеспечить эффект неожиданности [13, л. 4]. Ответственность за своевременное и полное предоставление описей имущества возлагалась и на руководителей всех религиозных культов. 8 марта 1922 г. Комиссия ознакомила представителей духовенства с изданными властями постановлениями [13, л. 252]. Следующим шагом должна была стать классификация имеющихся предметов и их непосредственное изъятие специальными комиссиями [20, с. 21].

В БССР работа с описями и инвентарными книгами к 15 марта 1922 г. в основном была завершена. В то же время из Москвы ЦК КП(б)Б было дано указание: «Назначить свои собственные сроки фактического изъятия, исходя из местных условий, обеспечив необходимую подготовку, но и не затягивая дело ни на один день» [13, л. 72]. Несмотря на ранее проводимую информационно-пропагандистскую работу о необходимости привлечения церковных ценностей на нужды голодающих, эмоциональный фон кампании существенно изменился. Во-первых, в приходах и так постоянно шел процесс сбора средств голодающим. Прихожане это видели и оценивали. Во-вторых, послание патриарха Тихона от 16 февраля 1922 г. «Об усилении помощи голодающим (с разрешением сдачи в Помгол церковных ценностей, не имеющих богослужебного употребления)» в глазах населения ставило крайнюю точку в границах отъема имеющихся предметов. Весьма негативный фон создавали резкие действия антицерковных деятелей при изъятии ценностей в центральных регионах РСФСР, которые, возможно, отличились еще при ликвидации мощей. Определенную роль сыграли, конечно же, обращение патриарха Тихона к М. Калинин и его «секретная инструкция» в отношении изъятия, превратившаяся не только в грабеж материальных ценностей, но и целенаправленную реквизицию богослужебных предметов [12, с. 191]. Важнейшими задачами кампании являлись и антицерковная пропаганда, и содействие расколу РПЦ. Массы, особенно крестьянство, по мнению властей, должны были принять активное участие в грабеже церковного имущества [20, с. 18].

Организовать в подобных условиях пропагандистскую кампанию было чрезвычайно сложно. Практически по всей стране работа комиссий по изъятию церковных ценностей во второй половине 1922 г. была парализована. Становился очевидным план большевиков по отношению к РПЦ. Но и отступать В. Ленин и Л. Троцкий не собирались. В. Ленин в письме для членов Политбюро ставил вопрос максимально жестко: «Провести изъятие церковных ценностей самым решитель-

ным и самым быстрым образом» [21, с. 193]. И далее отмечалось, что необходимо «с максимальной быстротой и беспощадностью подавление реакционного духовенства. Чем большее число реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше» [21, с. 193].

Л. Троцкий требовал создания на местах также и секретных комиссий по изъятию церковных ценностей, поскольку официальные из числа советских работников с задачами не справлялись [6, с. 94–96]. Их усиливали партийными работниками, командирами и комиссарами воинских частей, сотрудниками политотделов. По мнению И. И. Янушевича, «документов о наличии такой секретной комиссии в Белоруссии не обнаружено, но директива Кремля была, безусловно, выполнена. Наибольшее число приказов и распоряжений в уезды шло, помимо Талунтиса, за подписью заведующего АПО В. Кнорина и начальника ГПУ Белоруссии Я. Ольского» [22, с. 127].

В первой декаде апреля 1922 г. в Беларуси корректировалась деятельность и ЦК Помгола, и комиссий на местах. Налаживались коммуникации между ведомствами, определялся план работы и порядок изъятия [25]. Первыми подлежали изъятию ценности из синагог, потом из православных храмов и «затем только из католических костелов» [13, л. 220]. Синагоги размещались главным образом в крупных населенных пунктах, что позволило имеющемуся составу комиссий завершить работу в течение недели. 26 апреля 1922 г. начали изымать церковные ценности из православных храмов. Первыми пострадали наиболее крупные и, по мнению экспроприаторов, богатые церкви. Однако следует отметить, как указывал властям епископ Мелхиседек, каких-то серьезных материальных ценностей, драгоценных металлов, произведений искусств в храмах Беларуси не было и до революции. Тем более, что боевые действия, смена политических режимов, а также эвакуация не способствовали их сохранности. Изъятие церковных ценностей в БССР проходило достаточно медленно. Ввиду малочисленности соответствующих комиссий и при разбросанности объектов по всей территории к назначенному плану сроку оно не завершилось [13, л. 165]. Архивные документы свидетельствуют, что на «1 мая 1922 г. было собрано в БССР от итоговых цифр 27 % серебра, 5 % золота, 50 % бриллиантов, 80 % жемчуга, а ведь в первую очередь соответствующая работа проводилась в наиболее богатых городских храмах. И это с учетом того, что как такового активного сопротивления в БССР священнослужители и верующие не оказывали. События в РСФСР показывали бесперспективность открытого сопротивления грабежу» [20, с. 2].

Епископом Мелхиседеком к 13 апреля 1922 г. было написано «Архипастырское обращение к возлюбленным о Господе чадам, духовным пастырям и пастве епархии Минской» [13, л. 169]. Государственное издательство напечатало его в количестве десяти тысяч экземпляров. Белорусские власти весьма положительно характеризовали обращение: «Оно имело главную цель – повлиять не только на малосознательную массу крестьянства, еще довольно темного, но и под воздействием на рядовое духовенство не чинить препятствия по проведению в жизнь постановления ВЦИК» [13, л. 46].

Основная задача властей состояла в том, чтобы при изъятии ценностей отсутствовало сопротивление: «Не чинить препятствия по проведению в жизнь постановления ВЦИК». Ни прихожане, ни клир не были согласны с действиями комиссий и оголтелой пропагандой. Однако главная идея воззвания заключалась в том, чтобы «проникнуться состраданием, отозваться сердечным откликом любви и милосердия на вопль, страдания гибнущих голодной смертью людей, поделиться последним с голодным братом своим, как ни скудна и нища собственная жизнь» [13, л. 69]. Тем не менее сопротивление продолжалось. Все, что можно было спрятать, было спрятано. Имелись и факты сопротивления на белорусских землях, не входящих в состав БССР. Принимались соответствующие резолюции, а то и просто богослужебные предметы «изымались» у изымающих [20, с. 34].

Приведем пример сопротивления в деревне Буйновичи Мозырского уезда: «При изъятии церковных ценностей взбудораженная священником толпа не допускает к изъятию. Комиссия ждет указаний. Срочно сообщите, как быть» [13, л. 115]. Указание А. Червякова было ожидаемым: «Священника немедленно арестовать и доставить в Минск для предания суду. Произвести изъя-

тие» [13, л. 115]. Согласно директиве Наркома юстиции В. Курского, «дела церковных ценностей» рассматривались «вне всякой очереди, привлекая к участию в заседаниях широкие массы населения под личной ответственностью Завгубюстов» [13, л. 48]. Судьба священника была предрешена. После незамедлительного суда он был расстрелян.

Согласно отчету Центральной Белорусской комиссии, в республике было изъято: 30 пудов 15 фунтов 52 золотника 5 долей серебра, 21 золотник 28 долей золота, 12 золотников жемчуга, 45 шт. 29/32 карата бриллиантов, 33 фунта 27 золотников 54 доли медных монет и 52 шт. драгоценных камней [13, л. 218]. До 5 октября 1922 г. комиссии по изъятию церковных ценностей должны были ликвидироваться.

Сколько на самом деле было изъято церковных ценностей и предметов в ходе данной кампании, установить проблематично. Духовенство и верующие высказывали сомнения: «Пойдут ли по назначению собранные средства?» [13, л. 120]. Компетентность и порядочность членов комиссий вызвали ряд вопросов. Инструкция ВЦИК давала право оценки ценностей самим членам комиссий: «Ценные изделия зачислять вашей оценкой» [13, л. 190]. И. И. Янушевич отмечал: «Наличные деньги, реальные ценности привлекали многих. В суматохе, где по недочету, где сознательно, значительная их часть уходила в руки членов комиссий, вспомогательных отрядов и т. д. В то же время комиссаров, к примеру, называли «ловцами жемчуга» [23, л. 129]. Вопиющий случай установила РКК БССР: «Находящиеся на тот момент ценности из серебра и золота, за исключением колец, приняты без веса. Одно кольцо оказалось на руках у кассира, взявшего его для определения веса. Обнаружены деньги, причем они не проведены по соответствующим книгам» [24, л. 15]. Особенно настораживает, что касса Помгола находилась в рабочем кабинете секретаря ЦК КП(б)Б А. Криницкого. В процессе проверки Белорусской комиссии Помгола было установлено «бесхозное хранение значительного количества ценностей» [25, л. 140]. Данная информация и иные подобные случаи не могли не настораживать верующих и клир. Жертва на голод становилась добычей официальных лиц, что никак не способствовало распространению атеизма и подрыву авторитета Церкви [23, л. 129].

Еще большие сомнения вызывал фактический запрет на замену предметов равной стоимостью. Первоначально в декрете говорилось о ценностях, не имеющих богослужебного употребления. Предусматривалась и замена «подлежащих изъятию ценностей равноценными в натуральной стоимости по твердой валюте» [13, л. 263]. Однако это не входило в планы по нанесению максимального урона религиозным организациям: «В случаях предложения со стороны групп верующих выкупа за ценности заявлять, что вопрос в каждом отдельном случае должен быть решен в ЦК Помгола, ни в коем случае не приостанавливая при этом работы по изъятию тех предметов, о которых заявлено» [6, л. 96]. Направленные в Гохран ценности на территорию республики возвращены не были. Оставленные до выяснения вопроса в середине мая 1922 г. ценные предметы необходимо было срочно сдать: «В случае недоставления таковые предметы будут изъяты средствами Белорусской комиссии Помгола, а ответственные за срыв мероприятий Советской власти понесут суровое наказание» [13, л. 271]. Данная позиция, в первую очередь Л. Троцкого, не могла не компрометировать идею изъятия церковных ценностей на нужды голодающих. С одинаковым успехом равную по стоимости вещь можно было обменять на продовольствие. И. И. Янушевич писал: «Частыми были случаи, когда комиссиями изымалась почти вся церковная утварь, а после ее сортировки в уездном финотделе малоценные предметы передавались в музеи либо их могли забрать представители приходов» [23, л. 129]. Изъятые ценности в абсолютном своем количестве – это жертва местных верующих людей, которые с радостью осознавали, что помогли людскому горю. И, конечно, их одолевала великая горечь, если они узнавали или догадывались, что их сограждане преступили заповедь «не укради» и совершили грех святотатства.

По всей стране итоги деятельности Помгола подсчитали к ноябрю 1922 г. Согласно официальной версии, из храмов и монастырей было изъято 33 пуда золота, 23 997 пудов серебра, 35 670 бриллиантов. Стоимость изъятого составляла до 4 650 810 золотых рублей. Следует отметить, что сама кампания была весьма затратной. Деньги перечислялись на организационные и техни-

ческие расходы, антирелигиозную агитацию. Не до конца исследована судьба ценностей в Гохране. Однако главная задача – ликвидация РПЦ посредством отъема материальных ценностей и предметов, имеющих богослужебное употребление, – выполнена не была. Удар по экономической составляющей приходов и иерархии был колоссальный. В результате организация нормальной церковной жизни была затруднена. Это не могло не повлиять на воцерковленность части верующих и настроения священников в приходах. Безбожники достигли определенных успехов [26, л. 51].

Дальнейшее изъятие ценностей Церкви представлялось нерациональным. Необходимо было выстраивать систему экономических ограничений в условиях новой экономической политики. Фактически всякая хозяйственная деятельность была максимально ограничена, но это не приводило к ликвидации приходов. Баланс между целесообразностью борьбы с религией и церковью и государственным строительством был нарушен в 1928–1929 гг. Кроме причин изменения внутри- и внешнеполитической ситуации, которые не смогли оказать влияние на государственно-церковные отношения, важным фактором являлось состояние РПЦ в целом. Процесс атеизации населения в первое десятилетие советской власти имел крайне неудовлетворительные результаты: от 80 до 90 % населения оставались верующими. Количество православных приходов по стране во второй половине 1920-х гг. даже увеличилось, причем тихоновских [27, с. 132]. Реакция антирелигиозного аппарата в условиях поиска максимально эффективной формы государственного строительства, основанного на монополии на принятие любых управленческих решений, последовала незамедлительно.

В экономическом плане церковноприходские структуры оказались чрезвычайно эффективны. В 1920-е гг. единственным источником поступления средств являлись прихожане того или иного храма. Налоговые платежи и сборы будут рассмотрены отдельно. На содержание помещения, сторожа, священника необходимы были средства. Нормальная церковная жизнь не может ограничиваться исключительно богослужениями. Близкие по духу люди объединялись и для совместного времяпровождения, обучения. Негласно организовывались и небольшие производства. Люди жертвовали свои сбережения, зачастую весьма скудные, на возможность отправления культа в традиционной форме или максимально к ней приближенной. Все это необходимо было пресечь. Антирелигиозная комиссия при ЦК РКП(б)–ВКП(б) пришла к выводу, что необходимо принять максимально исчерпывающие меры по ограничению деятельности религиозных организаций, включая экономический блок [28, с. 258, 260].

8 апреля 1929 г. ВЦИК и Совнарком РСФСР приняли постановление «О религиозных объединениях». Данный акт значительно усложнял вопрос материального обеспечения жизни прихода. Во-первых, согласно статье 11 данного документа, все содержание храма могло обеспечивать только частное лицо, являющееся членом исполнительных органов религиозных организаций [6, с. 251]. С учетом того, что менее чем через год, 11 февраля 1930 г., ЦИК и СНК СССР примут постановление «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений», член двадцатки становился максимально уязвимым гражданином. Он обязывался заключать договоры о найме сторожа, покупке дров, ремонте здания и имущества [6, с. 251]. Убытие по различным причинам данного члена исполнительного органа фактически парализовывало общину. При этом им воспрещалась любая деятельность по производству свечей и утвари, а также печатная деятельность. Религиозные объединения не получали прав юридического лица, а значит, не имели права заключать договоры и сделки. Сбор средств на содержание храма, хора, священнослужителя и т. д. был запрещен. Любое получаемое или приобретаемое имущество являлось собственностью государства.

Свертывание нэпа и достаточно стремительная ликвидация людей, располагавших средствами выше прожиточного уровня, являлись значимым фактором, влияющим на материальное положение приходов. Объявленная нэпманам война и сокращение частных производств, а также торговли сопровождалась увеличением налогового давления на духовенство. Вся экономическая деятельность советского государства основывалась на идеологических установках. Политика в отношении «бывших людей» сводилась к максимальному ограничению их финансовых воз-

можностей. Классовый подход являлся определяющим. Налоговое обременение духовенства решало два основных вопроса. Во-первых, пополнялся бюджет. Для местных властей и финансовых инспекторов объем поступивших средств являлся показателем их работы, в том числе и личного дохода. Распределительная система военного коммунизма предполагала полную зависимость человека от государства. Во-вторых, дальнейшее изыскание средств на индустриализацию и коллективизацию становилось важнейшей идеологической задачей, в рамках выполнения которой предполагалось уменьшение числа священнослужителей путем налогового прессы.

В то же время количество клириков различных культов было достаточно значительным. После революции они в основной своей массе продолжали выполнять свои обязанности, а значит, согласно советскому законодательству, получать непроемочный доход. Парадокс ситуации состоял в том, что духовенство лишалось возможности официального заработка, а налоговые органы истребовали вычеты именно из него. Тем более, что вне закона было не приходское духовенство, которое все-таки находилось на иждивении церковноприходских советов. Высшее руководство Церкви теоретически имело возможность получать доходы от приношений верующих, однако находилось на нелегальном положении, поскольку государство до 1927 г. не признавало ни Священный Синод, ни Высший церковный совет, ни епархиальные или благочинные управления [12, с. 325]. Принятый в 1923 г. налоговый кодекс устанавливал для епископов приходно-имущественный налог и налог по совокупности доходов [12, с. 318–320]. Размер зависел от места нахождения плательщика в конкретном налоговом поясе. Кроме общегосударственных необходимо было платить и местные налоги. Безусловно, сюда нужно включить и «добровольное» «самообложение» [29, с. 23].

Количество всякого рода «благих» поводов для сбора средств увеличилось к 1930 г. Происходил процесс подавления любой частной инициативы. У антирелигиозного аппарата появилась возможность значительно усложнить жизнь духовенства, церковноприходского актива, а также верующих за счет установления платежей в виде налогов и сборов. В 1928 г. духовенство было приравнено к лицам нетрудовых категорий, что однозначно обеспечивало рост вычетов [30, с. 245]. В 1923–1924 гг. была предпринята попытка уменьшить количество духовенства посредством всякого рода сборов. Зачастую священник кроме обязательных приходно-имущественного налога и процентов на весь совокупный доход должен был уплачивать и местные платежи. При этом суммы предполагаемого дохода устанавливались инспектором по своему усмотрению. В 1923–1924 гг. такая ситуация вызвала массовое недовольство населения и фактически явилась поводом не только для отмены практики завышения налогов «на религию», но и для некоторых уступок законодательного характера.

В конце 1920-х гг. положение дел коренным образом изменилось. Налоговый механизм являлся перспективным инструментом ликвидации клира через полный отъем средств к существованию. В 1929 г. он был реализован. Налоговыми инспекторами выставались ничем не подкрепленные суммы платежей. Они превосходили весь совокупный доход плательщика. Навязывались дополнительные сборы и самообложение. Сельское духовенство, не имеющее дохода от земли, платило и подоходно-имущественный налог, и сельскохозяйственный налог. Это также усугубляло положение сельского пастыря [31, с. 144]. В 1928 г. законодательно, а к 1930 г. и практически землепользование священнослужителей было прекращено [32, с. 282]. Допускалось двойное налогообложение. Попытки оспорить выставленные суммы расценивались как «контрреволюционные вылазки». Неуплата налога или просрочка платежа становились поводом для ареста. Мотивы подобной деятельности изложены в докладной записке особого отдела ОГПУ БВО: «За последний год налоговое обложение прогрессирует с необычной быстротой. В отдельных случаях создается впечатление, что работники финотделов не умеют считать цифры менее чем с тремя нулями. Налог 1000–2000 и намного больше охватывает значительные кадры церковников. При определении доходности и ставок налога нет учета реальных возможностей – сумеет ли налогоплательщик оплатить налог, даже продав все свое имущество» [33]. При этом во многих случаях духовенство в оперативном порядке за неуплату изымали, а у оставшихся родственников забирали за долги имеющееся имущество. В данной докладной записке в ЦК КП(б)

ОГПУ пытается переложить фактически всю ответственность на низовые, максимум окружные структуры: «В одних случаях низовые работники переоблагали духовенство крупными ставками налога в целях покончить с религией путем выживания попа. В других ... проделывали это в целях перестраховать себя от обвинений в правом уклоне» [33, л. 4]. Всей работой фактически руководили райком партии и ОГПУ. Допустить, что для рядового сотрудника финотдела перво-степенной являлась задача борьбы с религией, когда даже в СВБ было только 3 % членов Компартии и комсомола, в принципе невозможно. Переоблагались в первую очередь активные пастыри и/или допустившие «контрреволюционные» высказывания против коллективизации и раскулачивания. Опровергает данное обвинение и сообщение из Витебской области, где работу направляло ОГПУ [34, с. 134]. Действительно, фининспектор получал определенный процент от взысканных сумм, но он же и нес ответственность за их правильность и реалистичность. Поэтому без внешнего нажима более-менее грамотный и неодиозный работник фискальной системы так рисковать явно не стал бы.

Как ни парадоксально, но и уплата явно завышенного налога тоже вела к наказанию. Священника Поликарпа Линника из деревни Старица Копыльского района арестовали и осудили сразу после внесения требуемой суммы в казну [31, л. 126–127]. Крестьяне, которые помогали ему собрать средства, были расстреляны. Действия фискальных органов полностью регулировали из ОГПУ. Налоги должны были стимулировать священнослужителей к снятию духовного сана [31, л. 135–136]. Отказ от предложения карался как минимум тремя годами ссылки, а в 1929–1930 гг. и расстрелом.

Заключение. Отсутствие официальной возможности заработать средства к существованию не означало, что были перекрыты все каналы финансирования и оказания помощи подвергшимся репрессиям. В то же время имели место и никем не санкционированные способы заработка духовенством и лицами, выдававшими себя за таковых. Еще в 1930 г. епископ Филарет (Раменский) предупреждал старосту прихода д. Озятичи, что начавший у них служить в незакрытой церкви некто А. Зеленин лишен монашеского звания и запрещен в священнослужении за неподобающие деяния [31, л. 141]. Еще больший масштаб незаконные заработки приобрели в середине 1930-х гг. Государство использовало все возможности для того, чтобы оторвать человека от религии, от исполнения таинств и религиозных обрядов, однако в стране было не менее 60–70 % верующих [35, л. 102–105]. В сельской местности, вероятнее всего, верующими считали себя 90–95 % [36, л. 177]. НКВД БССР в январе 1937 г. насчитывало около 100 действующих и не имеющих прихода священников [37, л. 56]. Еще было около 300 человек, снявших сан. В июне 1938 г. на учете в НКВД состояли 15 «попов», из них 13 снявших сан, около 400 было расстреляно или осуждено [37, л. 56–57].

В период между 1934 и 1937 гг. священнослужители чередовали периоды отсидки и нахождения на свободе и могли исполнять и исполняли требы (таинства). Нелегальные крещения, отпевания, браки все равно осуществлялись. Их прекращение было невозможно даже при полной изоляции всего духовенства, поскольку в сложившихся условиях их осуществляли лица, не имеющие на это права. После 17 сентября 1939 г., когда произошло воссоединение западных и восточных белорусских земель, бороться предстояло уже с новыми тысячами клириков и миллионами верующих. Ограничить в новых условиях экономическую составляющую религиозной деятельности было в ближайшей перспективе невозможно.

Список использованных источников

1. Никольский, Н. М. История русской церкви / Н. М. Никольский. – Минск: Беларусь, 1990. – 541 с.
2. О земле // Правда. – 1917. – 28 окт. – С. 2.
3. Орлов, И. Б. Жилищная политика советской власти в первое послереволюционное десятилетие / И. Б. Орлов // Наука – сервису: VIII Междунар. науч.-практ. конф., 21–22 апр. 2003 г.: сб. докл. на пленар. заседании: в 2 ч. / ред. Ю. Н. Маслов. – М., 2003. – Ч. 1. – С. 142–149.
4. Меерович, М. Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937) / М. Г. Меерович. – М.: РОССПЭН, 2008. – 304 с.

5. Гаранова, Е. П. Правовой режим церковного имущества: межсистемные коллизии канонического и светского права (1917–1929) / Е. П. Гаранова, Е. В. Кискин // История государства и права. – 2007. – № 20. – С. 19–21.
6. Русская православная церковь и коммунистическое государство, 1917–1941: док. и фотоматериалы / ред. Я. Н. Шапов. – М.: Библийс.-богосл. ин-т св. ап. Андрея, 1996. – 328 с.
7. Зыбковец, В. Д. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921 гг.) / В. Д. Зыбковец. – М.: Наука, 1975. – 205 с.
8. О введении государственной монополии на спички, свечи, рис, кофе, перец и привозные пряности и о национализации спичечных и свечных фабрик и предприятий по оптовой торговле рисом, кофе, перцем и пряностями: постановление ВСНХ, 7 марта 1918 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. Отд. первый. – 1918. – № 29. – Ст. 385.
9. Корзун, М. С. Русская православная церковь, 1917–1945 годы: изменение социально-политической ориентации и научная несостоятельность вероучения / М. С. Корзун. – Минск: Беларусь, 1987. – 111 с.
10. Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния: ВЦИК и СНК, 18 дек. 1917 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. Отд. первый. – 1917. – № 11. – Ст. 160.
11. Янушевич, И. И. Формирование системы насаждения атеизма в СССР / И. И. Янушевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитар. науки. – 2022. – № 1. – С. 82–87.
12. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти (1917–1943 гг.): [сб. в 2 ч.] / сост. М. Е. Губонин. – М.: Изд-во Православ. Свято-Тихон. богосл. ин-та, 1994. – 1063 с.
13. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 93. Оп. 1. Д. 450.
14. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 1. Д. 405.
15. Янушевич, И. И. Конфессиональная политика советского государства: уроки истории (1917–1928 гг.) / И. И. Янушевич. – Минск: Изд-во БГУ, 2005. – 143 с.
16. Цыпин, В. История Русской Церкви, 1917–1997 / В. Цыпин. – М.: Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря, 1997. – 830 с.
17. НАРБ. – Ф. 93. Оп. 1. Д. 490.
18. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 1. Д. 560.
19. О ценностях, находящихся в церквях и монастырях: Декрет ВЦИК, 27 дек. 1921 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. Отд. первый. – 1922. – № 19. – Ст. 215.
20. Архивы Кремля. Политбюро и церковь, 1922–1925 гг.: в 2 кн. / подгот.: Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. – Новосибирск: Сиб. хронограф; М.: РОССПЭН, 1998. – Кн. 2. – 647 с.
21. Письмо В. И. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) от 19 марта 1922 года // Изв. ЦК КПСС. – 1990. – № 4. – С. 191–193.
22. Янушевич, И. И. Политика советского государства по отношению к Русской Православной Церкви, 1917–1927 гг.: (на материалах Беларуси): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / И. И. Янушевич. – Минск, 2001. – 127 л.
23. Янушевич, И. И. Изъятие церковных ценностей из православных храмов Беларуси в 1922 г. / И. И. Янушевич // Гістарычная навука ў Белдзяржуніверсітэце на рубяжы тысячагоддзяў: матэрыялы Рэсп. навук.-практ. канф., прысвеч. 65-годдзю гіст. фак. Белдзяржуніверсітэта, Мінск, 26 ліст. 1999 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: Ю. Л. Казакоў [і інш.]. – Мінск, 2000. – С. 125–137.
24. НАРБ. – Ф. 1401. Оп. 1. Д. 8.
25. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 1. Д. 559.
26. Клепікаў, М. І цэрквы абрабавалі: [антырэлігійная кампанія першых паслярэвалюц. гадоў на Беларусі, у выніку якой былі знішчаны культур.-гіст. помнікі] / М. Клепікаў // Беларус. мінуўшчына. – 1993. – № 5–6. – С. 50–51.
27. Пospelовский, Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке: [перевод] / Д. В. Пospelовский. – М.: Республика, 1995. – 511 с.
28. Протоколы комиссии по проведению отделения церкви от государства при ЦК РКП (б) – ВКП (б) (Антирелигиозной комиссии). 1922–1929 гг. / Православ. Свято-Тихон. гуманитар. ун-т, Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М.: ПСТГУ, 2014. – 380 с.
29. Ящук, Т. Ф. Самообложение населения: из опыта организации местных финансов в период НЭПа / Т. Ф. Ящук // Вестн. Ом. ун-та. Сер.: Право. – 2007. – № 2 (11). – С. 21–26.
30. Марьяхин, Г. Налоговая система Советского государства / Г. Марьяхин // Финансы СССР за XXX лет. 1917–1947 / отв. ред. Н. Н. Ровинский. – М., 1947. – С. 231–292.
31. Кривонос, Ф., прот. У Бога мертвых нет: неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917–1939 гг.) / прот. Ф. Кривонос. – Минск: МФЦП, 2007. – 239 с.
32. Протьюко, Т. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т. Протьюко. – Минск: Тесей, 2006. – 688 с.
33. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 1. Д. 5030.
34. Православная церковь на Витебщине (1918–1991): док. и материалы / Отд. по арх. и делопроизводству Витеб. облисполкома, Гос. арх. Витеб. обл., Витеб. отд.-ние археогр. комис. ком. по арх. и делопроизводству при Совете Министров Респ. Беларусь; сост.: В. П. Коханко (отв. сост.) [и др.]; редкол.: М. В. Пищуленок (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Нац. арх. Респ. Беларусь, 2006. – 364 с.
35. Жиромская, В. Б. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 года / В. Б. Жиромская. – М.: Наука, 1996. – 152 с.
36. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 1. Д. 12099.
37. НАРБ. – Ф. 4. Оп. 1. Д. 13219.

References

1. Nikol'skii N. M. *History of the Russian Church*. Minsk, Belarus' Publ., 1990. 541 p. (in Russian).
2. On land. *Pravda* [Pravda Newspaper], 1917, October 28, p. 2 (in Russian).
3. Orlov I. B. Housing policy of the Soviet power in the first post-revolutionary decade. *Nauka – servisu: VIII Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, 21–22 aprelya 2003 g.: sbornik dokladov na plenarnom zasedanii* [Science – services: VIII International scientific and practical conference, April 21–22, 2003: collection of reports at the plenary session]. Moscow, 2003, pp. 142–149 (in Russian).
4. Meerovich M. G. *Punishment by housing: housing policy in the USSR as a means of people management (1917–1937)*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 304 p. (in Russian).
5. Garanova E. P., Kiskin E. V. Legal regime of church property: intersystem collisions of canonical and secular law (1917–1929). *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*, 2007, no. 20, pp. 19–21 (in Russian).
6. Shchapov Ya. N. (ed.). *Russian Orthodox Church and the Communist State, 1917–1941: documents and photographic materials*. Moscow, Biblical and Theological Institute of St. Apostle Andrew, 1996. 328 p. (in Russian).
7. Zybkovets V. D. *Nationalization of monastic properties in Soviet Russia (1917–1921)*. Moscow, Nauka Publ., 1975. 205 p. (in Russian).
8. Resolution of the All-Union Council of People's Commissars of National Economy on March 7, 1918 on the introduction of a state monopoly on matches, candles, rice, coffee, pepper and imported spices and on the nationalisation of match and candle factories and enterprises engaged in wholesale trade in rice, coffee, pepper and spices. *Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva. Otdel pervyi* [Collection of Decrees and Orders of the Workers' and Peasants' Government. Section one], 1918, no. 29, art. 385 (in Russian).
9. Korzun M. S. *Russian Orthodox Church, 1917–1945: change of social-political orientation and scientific inconsistency of the doctrine*. Minsk, Belarus' Publ., 1987. 111 p. (in Russian).
10. Decree on civil marriage, on children and on maintaining books of deeds: All-Russian Central Executive Committee and Council of People's Commissars, December 18, 1917. *Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva. Otdel pervyi* [Collection of Decrees and Orders of the Workers' and Peasants' Government. Section one], 1917, no. 11, art. 160 (in Russian).
11. Yanushevich I. I. Formation of the system of planting atheism in the USSR. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A, Gumanitarnye nauki = Vestnik of Polotsk State University. Part A. Humanities*, 2022, no. 1, pp. 82–87 (in Russian).
12. Gubonin M. E. (comp.). *Acts of His Holiness Tikhon, Patriarch of Moscow and All Russia, later documents and correspondence about the canonical succession of the highest church authority (1917–1943)*. Moscow, Publishing House of the Orthodox St. Tikhon's Theological Institute, 1994. 1063 p. (in Russian).
13. *National Archives of the Republic of Belarus*. F. 93. Op. 1. D. 450. (in Russian).
14. *National Archives of the Republic of Belarus*. F. 4. Op. 1. D. 405. (in Russian).
15. Yanushevich I. I. *Confessional policy of the Soviet state: lessons of history (1917–1928)*. Minsk, Publishing House of the Belarusian State University, 2005. 143 p. (in Russian).
16. Tsypin V. *History of the Russian Church, 1917–1997*. Moscow, Publishing house of the Spaso-Preobrazhensky Valaam Monastery, 1997. 830 p. (in Russian).
17. *National Archives of the Republic of Belarus*. F. 93. Op. 1. D. 490. (in Russian).
18. *National Archives of the Republic of Belarus*. F. 4. Op. 1. D. 560. (in Russian).
19. On valuables in churches and monasteries: Decree of the All-Russian Central Executive Committee, 27 December 1921. *Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva. Otdel pervyi* [Collection of Decrees and Orders of the Workers' and Peasants' Government. Section one], 1922, no. 19, art. 215 (in Russian).
20. Pokrovskii N. N., Petrov S. G. *Kremlin Archives. The Politburo and the Church, 1922–1925. Book 2*. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., Moscow, ROSSPEN Publ., 1998. 647 p. (in Russian).
21. Letter to V. I. Molotov for the members of the Politburo of the Central Committee of the RCP(b) of 19 March 1922. *Izvestiya TsK KPSS* [News of the Central Committee of the CPSU], 1990, no. 4, pp. 191–193 (in Russian).
22. Yanushevich I. I. *The policy of the Soviet state in relation to the Russian Orthodox Church 1917–1927: on the materials of Belarus*. Ph.D. Thesis. Minsk, 2001. 127 p. (in Russian).
23. Yanushevich I. I. Seizure of church valuables from the Orthodox churches of Belarus in 1922. *Gistarychnaya navuka u Beldzharzhuniversitetse na rubyazhy tysyachagoddzyau: materyyaly Respublikanskai navukova-praktychnai kanferentsyi, prysvechanai 65-goddzyu gistarychnaga fakul'teta Beldzharzhuniversiteta, Minsk, 26 listapada 1999 g.* [History science in Belarusian State University at the turn of the thousand years: proceedings of the Republican scientific-practical conference, marking the 65th anniversary of the history faculty of Belarusian State University, Minsk, November 26, 1999]. Minsk, 2000, pp. 125–137 (in Russian).
24. *National Archives of the Republic of Belarus*. F. 1401. Op. 1. D. 8. (in Russian).
25. *National Archives of the Republic of Belarus*. F. 4. Op. 1. D. 559. (in Russian).
26. Klepikau M. And the churches abolished: the anti-religious campaign of the first passive-alien years in Belarus, which resulted in the destruction of cultural and historical monuments. *Belaruskaya minuushchyna* [Belarusian Past], 1993, no. 5–6, pp. 50–51 (in Belarusian).
27. Pospelovskii D. V. *Russian Orthodox Church in the XX century*. Moscow, Respublika Publ., 1995. 511 p. (in Russian).

28. *Protocols of the Commission on the Separation of Church and State under the Central Committee of the RCP (b) – All-Union Communist Party of Bolsheviks (b) (Antireligious Commission). 1922–1929 gg.* Moscow, Orthodox St. Tikhonovsky University of Humanities, 2014. 380 p. (in Russian).

29. Yashchuk T. F. Self-assessment of the population: from the experience of the organisation of local finance during the NEP. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Omsk University. Series Law*, 2007, no. 2 (11), pp. 21–26 (in Russian).

30. Mar'yakhin G. Tax system of the Soviet state. *Finance of the USSR for XXX years. 1917–1947.* Moscow, 1947, pp. 231–292 (in Russian).

31. Krivonos F., protoierei. *God has no dead: unknown pages from the history of the Minsk diocese (1917–1939).* Minsk, MFTsP Publ., 2007. 239 p. (in Russian).

32. Prot'ko T. *Formation of the Soviet totalitarian system in Belarus (1917–1941).* Minsk, Tesei Publ., 2006. 688 p. (in Russian).

33. *National Archives of the Republic of Belarus.* F. 4. Op. 1. D. 5030. (in Russian).

34. Pishchulenok M. V. (ed.). *The Orthodox Church in Vitebskchina (1918–1991): documents and materials.* Minsk, National Archives of the Republic of Belarus, 2006. 364 p. (in Russian).

35. Zhiromskaya V. B. *Half a century under the cover of “secret”: All-Union population census of 1937.* Moscow, Nauka Publ., 1996. 152 p. (in Russian).

36. *National Archives of the Republic of Belarus.* F. 4. Op. 1. D. 112099. (in Russian).

37. *National Archives of the Republic of Belarus.* F. 4. Op. 1. D. 13219. (in Russian).

Информация об авторе

Куличенко Виктор Васильевич – аспирант. Минская духовная академия (ул. Зыбицкая, 27, 220030, Минск, Республика Беларусь). E-mail: kulichenkoviktor7@gmail.com

Information about the author

Viktor V. Kulichenko – Postgraduate Student. Minsk Theological Academy (27 Zybetskaya Str., Minsk 220030, Belarus). E-mail: kulichenkoviktor7@gmail.com